

врожденного недостатка, как у умалишенных; либо от изменений в мозгу, как у буйных. Эти умственные болезни и имеет в виду закон, когда в Инфортиатумс говорит: «Нужно требовать, чтобы тот, кто составляет завещание, и тогда, когда он его составляет, был здоров не телом, а умом». Поэтому я утверждаю, что для интеллектов, которые не страдают душевным или телесным недугом, но свободны, не ущербны и здоровы, должно быть очевидной истиной, что мнение тех людей, о которых говорилось, – пустое, то есть не имеет никакой цены.

Далее канцона добавляет, что я, таким образом, считаю эти мнения ложными и пустыми и потому их отвергаю:

«Но с мыслию такой
Не соглашусь».

Затем я говорю, что пора перейти к доказательству истины, а именно к рассмотрению того, что есть благородство и как оно распознается в человеке, им обладающем. И это я говорю там, где сказано:

«Скажу я в заключенье,
Чтоб обрести достойных мыслей строй,
О знатности...»

XVI.

«Царь же возвеселится о Боге, восхвален будет всякий, клянущийся Им, ибо заградятся уста говорящих неправду». Слова эти я поистине вправе предпослать настоящей главе, ибо каждый истинный царь должен больше всего возлюбить истину. Недаром в Книге Премудрости написано: «Итак, властители народов, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почитите премудрость, чтобы вам царствовать вовеки», свет же премудрости и есть истина. Таким образом, я утверждаю, что каждый царь возрадуется потому, что опровергнуто лживейшее и вреднейшее мнение тех злых и обманутых людей, которые по сие время произносят о благородстве нечестивые слова.

К рассуждению об истине надлежит приступить, придерживаясь того подразделения, которое сделано в третьей главе настоящего трактата. Итак, эта вторая часть, которая начинается со слов: «От корня одного берут начало...» – ставит себе целью установить согласно истине границы благородства; делится же эта часть на две половины, а именно: в первой предполагается показать, что такое благородство; во второй предполагается показать, как возможно распознать того, в ком оно есть: а начинается эта вторая половина со слов: «Душа, украшенная даром Бога...» Первая часть в свою очередь делится пополам: в первой половине исследуются некоторые вещи, необходимые для выяснения определения благородства, во второй исследуется его определение. Вторая часть начинается со слов: «Где добродетель, там и благородство...»

Дабы полностью включиться в ход рассуждения, необходимо прежде всего рассмотреть две вещи: первое – что же разумеется под словом «благородство» как таковым; второе – каким путем следовать в поисках вышеупомянутого определения. Итак, я утверждаю, что, если мы хотим считаться с обычным словоупотреблением, под словом «благородство» разумеется совершенство собственной природы в каждой вещи. Поэтому слово это прилагается не только к человеку, но и ко всему без исключения, – ведь человек называет благородным и камень, и растение, и коня, и сокола – все, что по природе своей оказывается совершенным. Поэтому Соломон и говорит в Екклесиасте: «Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода», а это все равно как сказать, что царь душевно и телесно совершенен, и еще: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок», то есть человек несовершенный: ведь человек бывает ребенком не только по возрасту, но и по своим необузданным нравам, по жизненной своей неполноценности, что подтверждает и Философ в первой книге «Этики». Правда, есть и такие безумцы, которые полагают, что под словом «благородный» разумеется тот, кого «многие поминают и многие знают», и говорят, что оно происходит от глагола «nosco», означающего «знать». Но это величайшая ошибка;